

Леонид, архимандрит

**Смутное время и Московско-
Польская война**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Л47

Л47 **Леонид, архимандрит**
Смутное время и Московско-Польская война / Леонид, архимандрит – М.:
Книга по Требованию, 2011. – 84 с.

ISBN 978-5-4241-6808-6

От появления первого самозванца из Польши в 1604 г. до Деулинского перемирия 1618 г. Из славянского перевода хроники Перемышльского бискуна Павла Плоцкого.

ISBN 978-5-4241-6808-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

Между польскими историками XVII столѣтія не послѣднее мѣсто занимаетъ Павелъ Пясецкій, бискупъ перемышльскій. Восхваляютъ его неслыханное гражданское мужество и любовь къ правдѣ, ради которой онъ не щадилъ никого и смѣло высказывалъ въ глаза правду. Троекратное изданіе его «Хроники» указываетъ, что его сочиненіе нашло хорошій приемъ и небывалое распространеніе. Всѣ, кто занимался практической оцѣнкой историческихъ сочиненій, какъ поляки, такъ и чужеземцы, вспоминаютъ о Пясецкомъ и его Хроникѣ со всякими похвалами. Такъ, Бентковский, авторъ «Исторіи польской литературы», говоря объ этой Хроникѣ, выражается, что она написана со смѣлостію любящаго правду историка. Въ ней находится многое, объясняющее правленіе короля Сигизмунда III. А какъ Пясецкій въ своей Хроникѣ не разъ выставляетъ при различныхъ обстоятельствахъ вредное вліяніе членовъ Іезуитскаго ордена какъ на самаго короля, такъ и на благо всего народа, то за это онъ навлекъ на себя ненависть многихъ¹.

Хроника эта, писанная на латинскомъ языкѣ, начинаясь (послѣ посвященія племяннику) общимъ обзоромъ состоянія европейскихъ государствъ и ихъ отношеній къ Польшѣ передъ вступленіемъ на престолъ короля Сигизмунда III (съ 1587 года), доведена Пясецкимъ до 1637 года включительно. Первоначально она вышла въ свѣтъ еще при жизни автора, въ Краковѣ, въ 1646 году. Славянскій переводъ этой Хроники, судя по уцѣлѣвшему (и кажется единственному)

¹) Исторія Польской литературы, т. II.—Самое рѣзкое мѣсто въ Хроникѣ Пясецкаго, касающееся іезуитовъ, см. въ нашемъ извлеченіи изъ ея славянскаго перевода подъ 1616 годомъ (въ концѣ).

экземпляру рукописи, сдѣланъ въ послѣднюю четверть XVII вѣка, и, какъ можно полагать, для князя Василія Васильевича Голицына, т.-е. по его порученію. Русскому боярину-дипломату конечно любопытно было познакомиться со взглядомъ извѣстнаго польскаго хроникера на наше «Смутное время» и такъ называемую имъ «Московско-польскую войну», кончившуюся въ 1618 году Деулинскимъ перемиріемъ на четырнадцать лѣтъ. Послѣ удачной войны съ Польшею въ царствованіе Алексѣя Михайловича, вслѣдствіе которой были возвращены Россіею ея исконныя области въ Западной Руси, и добровольнаго подданства всей Малороссіи и храбраго казачества, предкамъ нашимъ не безынтересно было оглянуться на свое недавнее прошлое, когда мы едва-было не попали въ сѣти, разставленныя намъ колоссальною интригою іезуитовъ: разумѣю появленіе перваго и послѣдующихъ Самозванцевъ. По свидѣтельству Пясецкаго, Польша неудачею, постигшею ее въ затѣѣ подчинить себѣ Московское государство, обязана тѣмъ же іезуитамъ, которые, преслѣдуя свои религіозно-фанатическія цѣли, прежде и паче всего заботились подчинить Московское государство Римской церкви. Легковѣрные поляки и на этотъ разъ были лишь ихъ орудіемъ. Планъ хитрый, но, по русской пословицѣ—«гдѣ хитро тамъ и рвется»: разстроивъ успѣшно намѣреніе короля Сигизмунда отпустить въ Москву юнаго королевича Владислава, льстя первому суетною надеждою, что критическое положеніе Москвы заставитъ-де ее и безъ этого вскорѣ безусловно отдать себя въ полную власть короля—іезуиты сами испортили свое дѣло. Москвитяне же, догадавшись, что значило замедленіе въ прибытіи Владислава въ Москву, во первыхъ извлекли изъ этого для себя ту пользу, что временною уступкою полякамъ отвлекли ихъ отъ пособія второму Самозванцу, а межъ тѣмъ и сами успѣли образумиться, и оставивъ долговременную «шатость», послушали гласа своихъ отчизнолюбцевъ и пришли въ единодушную мысль: избрать на престолъ Московскаго государства природнаго россиянина и ближайшаго родственника угасшему Царскому Дому—семнадцати-лѣтняго юношу Михаила, сына боярина Феодора Никитича Романова (въ то время ростовскаго митрополита Филарета, стоявшаго во главѣ московскаго посольства въ Польшу для приглашенія на престолъ королевича Владислава). Богъ благословилъ благое намѣреніе людей своихъ!

Михаилъ былъ единодушно избранъ, и Россія спасена, или, говоря словами писанія: «Богъ уловилъ хитрыхъ въ коварствѣ ихъ. Тѣ спяти быша и падоша, мы же востахомъ и исправихомся!»

Разматывая постепенно передъ глазами читателя нити затѣянной и ведомой іезуитами колоссальной интриги, отъ появленія въ Польшѣ (подготовленнаго ими же) перваго Самозванца въ 1604 году до Деулинскаго перемирія 1618 года, и высказываясь справедливо на счетъ потаенныхъ цѣлей этой комедіи (какъ Пясецкій не разъ называетъ все это дѣло), авторъ Хроники, къ сожалѣнію, не сумѣлъ остаться столько же «справедливымъ» и «безпристрастнымъ» историкомъ относительно подробностей излагаемаго имъ событія. Напротивъ, онъ отнюдь не скрываетъ своего горячаго сочувствія къ политическимъ затѣямъ своихъ соотчичей-поляковъ. Самый тонъ разсказа доказываетъ, что авторъ его не только желаетъ, но и напередъ увѣренъ, что его образованные читатели (для сего Хроника и писана не по польски, а по латыни) ни на минуту не забудутъ, что въ этомъ дѣлѣ на одной сторонѣ стоитъ-де «шляхетная Польша», а на другой «варварская Московія», съ которою церемониться много нечего и не-зачѣмъ. Выиграно, на примѣръ, Польшею большое сраженіе: поляковъ убито всего восемь, а московитовъ восемьдесятъ, и т. п. Мы не хотимъ сказать, чтобы Пясецкій въ этихъ случаяхъ лгалъ умышленно: какъ историкъ, онъ вѣроятно пользовался официальными данными, т. е. донесеніями своихъ родичей, не обращая вниманія на степень ихъ достовѣрности и не провѣряя ихъ отзывами противной стороны. Но въ цѣломъ Пясецкій все таки не скрываетъ неудачи колоссальной интриги, и громко сѣтуетъ объ этой неудачѣ, давая притомъ разумѣть читателю, что еслибы на мѣстѣ іезуитовъ были у короля другіе совѣтники, то дѣло это могло бы устроиться иначе, и кончилось бы всецѣло въ пользу и во славу Польши, а потомъ уже (со временемъ) и въ пользу Папскаго престола. Какъ полагалъ устроить все это авторъ Хроники—ясно не видно, но только не посредствомъ пресловутой уніи, о которой онъ тоже относится съ предубѣжденіемъ и нескрываемою досадою, какъ о затѣѣ іезуитовъ, погубившей Польшу, что и вѣрно. Скажемъ съ поэтомъ:

Погибла Польша въ воздаянне
За гибель вѣрныхъ казаковъ!

Славянскій переводъ Хроники, уцѣлѣвшій всего въ одномъ экземплярѣ, находился сперва въ архангельской библиотекѣ свѣтлѣйшаго князя Д. М. Голицына, оттуда перешелъ къ графу Ѳ. А. Толстому¹ и теперь находится въ числѣ рукописей Императорской публичной библиотеки². Въ рукописи заглавнаго листа недостаетъ. Начинается она прямо съ посвященія автора своему внуку (слѣдуетъ «племяннику»), писаннаго киноварью:

«Павелъ Пясецкій (Пясецкій) епископъ перемышленскій (перемышльскій—въ Галициі). Іакову Пясецкому аббату Кларетумбы. Великаго Владислава четвертаго, Короля Польскаго и Швецакаго, секретарю, внуку, здравія, и прочая.

«Прими, любезный внуче, яже по моей смерти прочтеша.

«Да не лѣстятъ тебя, которые подъ титуломъ исторіи, не такъ (не столько) учиненныя дѣла вѣка нашего, какъ (сколько) торжественныя³ слова написали»...

Собственно Хроника начинается такъ:

«Начну убо отъ Короля Польскаго Стефана»... (Баторія, съ выбора его Княземъ Седмиградскимъ съ 1571 года. Слѣдуетъ подробное описаніе его царствованія и общій очеркъ состоянія европейскихъ государствъ и ихъ отношенія къ Польшѣ).

Обзоръ этотъ кончается на листѣ 87. На оборотѣ 87 листа начинается «Лѣто Христово 1587». Дальнѣйшее описаніе расположено по годамъ же, продолжаясь, по вышесказанному, до 1638 года (сюда же включено нѣсколько послѣдующихъ годовъ).

Примѣчательно, что упомянутый славянскій переводъ Хроники Пясецака сдѣланъ у насъ спустя 30—35 лѣтъ послѣ ея напечатанія (напечатана въ 1646 году, а славянскій переводъ ея относится, къ послѣдней четверти XVII вѣка). Польскій переводъ Хроники появился лишь въ 1870 году, въ Краковѣ же.

Славянскій переводъ Хроники сдѣланъ очевидно уроженцемъ Западной Россіи, хорошо знавшимъ латинскій языкъ, по болѣе знакомымъ съ польскою, чѣмъ съ русскою рѣчью, и потому въ его

¹) См. Описан. рукоп. оной, отд. I, № 17.

²) F., отд. IV, № 163, полууставъ послѣдней четверти XVII вѣка, въ листѣ, 496 листовъ.

³) Слово приписка: «похвалныя», а нѣсколько выше—«Исторію похвалями ложнѣйшу быти, рече Цицеро».

переводѣ встрѣчается немало польскихъ словъ, а мѣстами переводъ темень. Нѣкоторыя выраженія исправлены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ съ помощью польскаго перевода 1870 года, въ другихъ же случаяхъ приведенъ латинскій текстъ.

Мы могли воспользоваться этою драгоцѣнною рукописью лишь благодаря особенно близкому къ намъ вниманію высокочтимаго директора Императорской публичной бібліотеки, Аванасія Федоровича Бычкова, которому и считаемъ долгомъ выразить при семъ нашу глубокую признательность.

Славянскій переводъ Хроники оканчивается на 1619 годѣ. Извлекаемъ изъ него лишь то, что относится непосредственно къ Смугному времени и Московско-польской войнѣ, кончившейся въ 1618 году.

Въ концѣ нашего «извлеченія», помѣщаемъ «отрывокъ» изъ «общаго обзора» Хроники, гдѣ авторъ оной пишетъ о запорожскихъ казакахъ, ихъ военномъ устройствѣ, образѣ жизни и войны; о сарматскихъ или славянскихъ народахъ и ихъ мѣстожительствѣ въ Европѣ, и приводитъ согласныя свидѣтельства латинскихъ писателей о славянствѣ готовъ (и вандаловъ). Замѣтимъ, что это вполне подтверждается свидѣтельствомъ славянскихъ писателей и книжниковъ X вѣка, эпохи расцвѣта славяно-болгарской письменности при дворѣ болгарскаго царя Симеона, которые (какъ въ оригинальныхъ, такъ и въ переводныхъ сочиненіяхъ) тамъ, гдѣ стоитъ въ греческомъ готы или готы—прямо замѣняютъ оное названіемъ болгары; другіе же удерживаютъ оба названія: «готы рекше болгары». Или одинъ говоритъ наприм.: «Дунай, готскимъ же языкомъ именуется Дунавъ»; а другой: «болгарскимъ же языкомъ именуется Дунавъ».

Обращаемъ при этомъ особое вниманіе нашихъ филологовъ на приводимое въ этомъ отрывкѣ авторомъ Хроники мнѣніе современныхъ ему ученыхъ шведовъ двора короля Сигизмунда III касательно отношенія готскаго языка къ древнему и новѣйшему шведскому и нѣмецкому языкамъ, мнѣніе, идущее, если не ошибаемся, совершенно вразрѣзъ съ мнѣніемъ новѣйшихъ нѣмецкихъ ученыхъ.

Архимандритъ Леонидъ.

Ноябрь 1886 года.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

И

МОСКОВСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА

Отъ появленія перваго Самозванца въ 1604 году до
Деулинскаго перемирія въ 1618 году.

- 341 об. Въ семь ...же годѣ Польша долговременнѣйшія войны московскія взяла возбужденіе, зане Димитрій нѣкто изъ Москвы пришедь и премногія годы въ провинціяхъ русскихъ волочася, во дворѣхъ разныхъ тамо князей служебнымъ саномъ, когда породы своея отъ Князей Московскихъ и сохраненаго отъ тайныя измѣны живота чинъ долѣе предъизъявилъ, наконецъ повѣданію своему вѣрность и заступленіе причинѣ обрѣлъ, а тое (подлинно ли или лжеумышленное — до сего времени не явво есть) такимъ доношеніемъ изъявлялъ: Іоаннъ Василіевъ, Князь Московскій, сказывалъ, что двухъ сыновъ оставилъ, Θεодора и Димитрія, изъ которыхъ Θεодоръ первородный, и || тогда уже былъ дорослый—на томъ княжествѣ отцу умершему наслѣдилъ, а Димитрій въ послѣдней старостѣ ему воспріять, отъ матере въ близкомъ нѣкоторомъ замкѣ, Угльчъ именованномъ, воспитовашеся; и такъ, когда Θεодору, природою кротку и здравіемъ слабу, и для того государства попеченія пре-

Лѣто
Христово
1604.

Димитрій
лжеумы-
шляетъ родъ
свой отъ
Князей Мо-
сковскихъ.

Димитріева
составнаго
вымыслу
порадокъ.

небрегающую, Борисъ Годуновъ, бояринъ или начальникъ коней (конюшеннымъ бояриномъ (по) просту они называютъ) московскихъ, котораго сестру жену Феодоръ имѣлъ, милостію тояже сестры своея у него крайнее дѣлъ правленіе получилъ, уловленъ государствованія сладостію, на завладѣніе того Государства пожелалъ. Ниже трудень къ нему казался приступъ, когда Феодоръ, болѣзными изнурень и къ рожденію потомства неспособень, въ краткомъ времени имѣлъ умереть бездѣтень, только бы прежде младенецъ юнѣйшій Димитрій убіенъ былъ. И такъ сего Димитрія, подславъ къ замку, въ которомъ воспитовался, убійцевъ притворныхъ¹, той же Борисъ убить повелѣлъ; но мать Димитріева предувѣщана—другаго ему сверстника на постелю его положила, и приходящимъ убійцамъ убить попустила (сирѣчь, убоаяся и она Борисовой свирѣпости), Димитрія тайно съ однимъ дядькою, таковаго тайнаго дѣла свѣдомымъ, къ безопасѣйшимъ мѣстамъ отпустивъ, и Борисъ убо, учинивъ такой || грѣхъ, вину свою закрывая, говорилъ, что Димитрій тотъ моромъ былъ умерщвленъ, и мать его, въ монастырь вогнаную, чтобы сіе тожъ подтверждала—угрозами загрозилъ, а Димитрій (есть-ли онъ обаче не басни говорилъ) въ Русѣ Полской воспитовался.

А немного послѣ его Феодоръ преставился, и отродію княжескому ни единому иному живу сущу (присутствовалъ Никита Романовичъ, отдаленнѣйшій того поколѣнія сродникъ, но не годень), Борисъ княжество безъ трудности получилъ вельможскими приговорами, которыхъ радѣнія, живу сущу Феодору, на сіе нарочно себѣ присвоилъ, но Димитрій какъ возрасте, рода и премѣненія сщастія своего образъ изъявилъ, и за

¹) Приготовленныхъ.

шутку перво дѣло принятое, когда вышереченныя знаками и доводами явнѣйшими доводилъ, многихъ увѣщаль, и наипаче Георгію Мнишекъ воеводѣ Сендомирскому, дабы защищеніе дѣла его воспріялъ, учинивъ договоръ, что(бы) онъ государство Московское получивъ—дщерь его за жену понялъ и отдалъ бы назадъ протори, въ такой военной походъ учиненныя. И такъ съ крайнею скоростію воевода собралъ войско, и принявъ къ товариществу своему князя Константина Вишневецкаго и многихъ иныхъ славнѣйшихъ русскихъ вельможъ, которые многочисленныя ратныхъ людей полки наймами своими на сіе собрали, при концѣ года сего въ Москву съ Димитріемъ тѣмъ вѣхалъ¹, оружіемъ его на княжество отеческое хотя возвратить, ниже несчастливою удачею², аще бы конецъ началу равенъ былъ, яко же немного послѣ явно будетъ. Безсумнительно, превеликое дѣлъ обращеніе въ государствѣ Московскомъ отгуду произошло, и есть-ли истинно то, что комета великія бѣдства предвозвѣщала не иному, токмо Польшѣ да Москвѣ—преблизко слѣдующія бѣды междоусобныя войны предвозвѣстила комета тая, которая въ годѣ прошломъ въ 3-й день октября перво въ 17-мъ степени стрѣльца видѣна, даже до конца года сего свѣтила, величествомъ и свѣтлостію Гесперу * или Афродитовой звѣздѣ не неподобна, когда и хвоста никакого не имѣла комета тая обычнаго.

И какъ Димитрій, при концѣ года прошлаго переправився подъ Кіевомъ чрезъ Днѣпръ, къ рубежамъ Московскимъ доѣхалъ, немало москвитянъ къ своимъ странамъ привлекалъ и премногія городки ближнѣйшія завладѣлъ. И хотя въ началѣ года сего 1605-го не-

Георгій Мнишекъ въ Москву проводилъ Димитрія.

Комета съ октября 1604-го даже до конца 1605.

* Зарѣ вечерней.

Лѣто Христово 1605.

Москвитяне премногія отложилися къ Димитрію

¹) Т.-е. въ предѣлы Московскаго государства вторгнулся.

²) ... что ему сначала удалось довольно счастливо.

Борисъ
Московской
Князь посла
послалъ къ
Жигимонту
Королю
Полскому.

равнѣйшее счастье отвѣдалъ, сирѣчь, что войско Князя Бориса московское подъ Новгородкомъ Сѣверскомъ въ мѣсяцѣ генварѣ войска его, || еще ко предостерегательству и принатию бѣды не добрѣ уставленыя разсыпало, однако же немного послѣ того онъ, собравъ сердца своихъ и силы¹ — борисовскихъ побѣдилъ, и Путивль, Бѣлской, славнѣйшія московскія въ той странѣ городки, подъ свою власть подбилъ, того ради Борисъ видя, что болшая тая бѣда, нежелъ чаялъ, приближалася, 40.000 войско изъ того же Государства своего собралъ и его въ мѣсяцѣ апрѣлѣ противъ Димитрія обратилъ. Послалъ также посла къ Королю Полскому Жигимонту, негодую на рушеную мира на 20 лѣтъ недавно утверженаго вѣрность тѣмъ непріятельскимъ поляковъ въ Москву зъ Димитріемъ (обманщикомъ прикладывалъ) входомъ; но отповѣдь воспріялъ, что тѣ дѣла безъ вѣдома королевскаго и Речи Посполитыя дѣлаются, и отъ Димитрія, москаля природнаго и отъ москвитянъ вспоможеннаго, мятежи тамо поднятыя къ договорнымъ союзамъ ничего не належать, ниже много повредила бы миру общему тая досада, есть-ли бы не случилася другая, однако же изъ тоя же изшедшая, яко же въ своемъ мѣстѣ явно будетъ. А тогда воспріявъ такую отповѣдь, Князь Московскій Борисъ Годуновъ оружіе на одолѣніе Димитріево изготавлялъ, и казалось, что удобно побѣдить силъ величествомъ челоуѣка не болши пяти тысячъ бунтоваго войска, никакими подлинными наймами къ вѣрнѣйшему послушенству и поднятію воинскія науки обяванаго, огражденаго, не денгами, не инымъ какимъ приготовленіемъ или казною военною наряженаго и дѣла воинскаго весма неискуснаго. Но счастіе рѣдко непостоянству и безразсудности не со-

344

¹) Подкрѣпивъ отвагу своихъ и силы.